

СЕКЦИЯ “ДИНАМИКА ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ”

М.В. Пименова

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ И АВТОРСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СЕРДЦА (на примере произведений С.А. Есенина)

Кемеровский государственный университет

Исследование культуры отдельного народа и отдельного писателя возможно в рамках такого явления, как самопознание: “Для того, чтобы способствовать индивидуальному самопознанию, культура должна воплощать в себе те элементы психологии, которые являются общими для всех или для большинства личностей, причастных к данной культуре, т.е. совокупность элементов национальной психологии. При этом воплощать такие элементы культура должна ярко, выпукло, ибо чем ярче они будут воплощены, тем легче каждому индивидууму познать их **ч е р е з к у л ь т у р у** в самом себе” [1: 119]. Язык – составная часть культуры, её орудие. Язык народа есть не только инструмент общения и воздействия, но и средство усвоения культуры, получения, хранения и передачи культурно-значимой информации.

Концептуальная система – это основа языковой картины мира, в том числе авторской. Концепты – составные части концептуальной системы – объективируются в виде слов или сочетаний слов, в которых “прочитываются” признаки фрагментов языковой картины мира. *Концепт* – это некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами. Концептуальный признак объективируется в закреплённой и свободной формах сочетаний соответствующих языковых единиц – репрезентантов концепта. Концепт отражает категориальные и ценностные характеристики знаний о некоторых фрагментах мира. В структуре концепта отображаются признаки, функ-

ционально значимые для соответствующей культуры. Под концептом может пониматься национальный ментальный образ (идея, символ), который имеет сложную структуру объективации. *Структура концепта* – это совокупность обобщённых признаков и групп признаков, необходимых и достаточных для идентификации предмета или явления как фрагмента картины мира. Анализ фрагментов картины мира происходит на основе выделения языковых единиц, репрезентирующих исследуемые концепты. На материале этих единиц рассматриваются способы представления концептов определенной сферы мира и соответствующие признаки.

Признаки концептов, представляющие национальную картину мира, консервативны. И в то же время картина мира народов меняется, структура признаков концептов расширяется за счёт продолжающего познания мира. Развитие науки, культурные процессы дополняют сведения о мире, в том числе о мире внутреннем. В языке отражены знания о человеке: человек описывается как сложное образование, что лишь отчасти можно объяснить существующими и существовавшими ранее мифологическими и религиозными представлениями. Анализ концептов приводит к выявлению архаичных знаний о мире. Эти знания не относятся к разряду научных, это народные, обыденные представления, на них накладывают отпечаток меняющиеся религиозные и научные воззрения социума. Любой автор пользуется фондом языка при описании своих чувств, переживаний, мыслей. При этом он воссоздает признаки концептов, которые уже существуют в языковой картине мира, но иногда он изобретает новые признаки. Авторские признаки, не входящие в структуру национального концепта, именуется в работе *окказиональными*.

Каждая культура имеет свою модель мира, картину мира. Содержание культуры представлено различными областями: это нравы и обычаи, язык и письменность, одежда, поселения, работа (труд), воспитание, экономика, армия, общественно-политическое устройство, закон, наука, техника, искусство, религия, проявления духовного развития народа. Все эти области в языке реализуются в виде системы кодов культуры. “Язык – уникальный архив исторической памяти народа, отражение его образа жизни, верований, психологии, морали, норм поведения” [2: 26]. *Код культуры* – это макросистема характеристик объектов картины мира, объединенных общим категориальным свойством; это некая понятийная сетка, используя которую носитель языка категоризует, структурирует и оценивает окружающий его и свой внутренний миры. При переносе в языке характеристик из одного кода в другой возникает метафора или метонимия. *Код культуры* – это таксономия элементов картины мира, в которой объединены природные и созданные руками человека объекты (био-

факты и артефакты), объекты внешнего и внутреннего миров (физические и психические явления). Коды культуры проявляются в процессах категоризации мира, “категоризация как процесс сжатия многообразия — всегда лишь этап взаимодействия с окружением. Сами категории как таковые не даны нам “свыше”, а формируются в нашем сознании в соответствии с конкретными требованиями окружения, среды. ... При этом любой язык адекватно обслуживает свою культуру, предоставляя в распоряжение говорящих средства для выражения культурно значимых понятий и отношений” [3: 87].

В языке отобразилось свойство мышления человека, живущего в природной и социальной среде, переносить на свой внутренний мир и его объекты антропоморфные, биоморфные и предметные характеристики, что закрепилось в виде метафор и метонимии. Способность человека соотносить явления из разных областей, выделяя у них общие признаки, находится в основе существующих в каждой культуре системе кодов, среди которых растительный (вегетативный, фитоморфный), зооморфный (анимальный, териоморфный), перцептивный, соматический, антропоморфный, предметный, пищевой, химический, цветовой, пространственный, временной, духовный, теоморфный (божественный). Растительный, зооморфный и антропоморфный коды иногда объединяют под общим названием биоморфного (натуралистического) кода. Основу культурных кодов составляет мифологический символизм, суть которого состоит в переносе образов конкретных предметов на абстрактные явления (в том числе внутреннего мира). Устанавливая параллелизм объектов физической (реальной) и виртуальной (иллюзорной) действительности, мифологическое сознание основывается на гносеологических операциях сравнения и отождествления.

Антропоморфный код делится на индивидуальный и социальный субкоды. Кодам культуры в основной своей части свойственен изоморфизм, т.е. в каждой культуре наличествует весь перечисленный спектр кодов, однако не все элементы указанных кодов будут изофункциональны. Поиск специфических элементов, отличающих тот или иной код культуры, позволяет указать на особенность культуры, отраженной в мышлении народа. Элементы кодов выступают как классификаторы и квантификаторы друг для друга, за ними закреплена некоторая символическая культурная соотнесенность. Национальную культуру отличают специфические языковые образы, символы, образующие особую систему кодов культуры, с ее помощью носитель языка описывает окружающий его мир, используя его в интерпретации своего внутреннего мира. Образы, признаки которых относятся к кодам культуры, функционируют в режиме подо-
бия.

В данной статье рассматривается авторская картина мира С.А. Есенина с позиций особенностей концептуализации *сердца* – ключевого концепта русской культуры. Концепты внутреннего мира обычно представлены в языке посредством метафор. Некоторые метафоры, которые используются для описания внутреннего мира, отличаются большей универсальностью, проявляются в разных языках и культурах, а другие метафоры являются культурно-специфическими. Рассмотрение метафор с точки зрения их универсальности и специфичности позволяет выявить общие механизмы репрезентации концептов в авторских языковых картинах внутреннего мира; метафора – это важный механизм, при помощи которого мы понимаем абстрактные понятия, относящиеся к сфере внутреннего мира человека, и рассуждаем о них [см. подробнее: 4].

Сердце – важный символ русской культуры, символ чистоты (*Что я сердцем чист*. В том краю, где желтая крапива...), честности: *сердцем* клянутся (*Но я готов поклясться Чистым сердцем*. Стансы). *Сердечный* – ласково-сострадательное именование человека в традициях русской культуры *Да, родимые, да, сердешные!* Страна негодяев). *Сердце мое, сердечко* – ласковое обращение (*Выходи, мое сердечко, Слушать песни гусляра*. Есенин. Темна ноченька, не спится...).

Все концепты внутреннего мира наделяются свойствами живой природы. *Сердце* уподобляется растению (*Вы ль за жизнь его сердцем не индевели*. Исповедь хулигана), цветку (*Маком влюбленное сердце цветет*. Белая свитка и алый кушак...), ягоде (*Сердце, тронутое холодком*. Не жалею, не зову, не плачу...), дереву (*И грусть мне сердце точит*. Песня старика разбойника), полю (*Васильками сердце светится*. Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха; *Вскольхнулось сердце*. Песнь о Евпатии Коловрате; *В сердце ландыши встпхнувших сил*. Я по первому снегу бреду...), лесу, охваченному огнем чувства (*Зажигай сердца пожаром*. Кузнец).

Сердце – сакральный центр жизни. Для *сердца* свойственны функциональные признаки. *Сердце* – орган жизни (*Сердце бьется все чаще и чаще*. Да! Теперь решено. Без возврата). Нарушение целостности *сердца* приводит к смерти (*Саданул под сердце финский нож*. Письмо к матери). *Сердце* – орган любви в широком смысле, в том числе любви к Родине (*Сердцу милый край!* Ленин), орган эмоциональных переживаний (*Волнуясь сердцем И стихом*. Есенин. Метель). *Сердце* – орган обучения чувствам (*Я учусь моим сердцем Цвет черемух в глазах беречь*. Хорошо под осеннюю свежесть...).

В авторской картине мира С.А. Есенина *сердце* объективируется с позиций витальных признаков; оно бывает живое и мертвое; после смерти *сердце*, как живое существо, превращается в прах (*Живое сердце не стучит*. Гори, звезда моя, не падай; *И сердце превратится*

в прах. Гори, звезда моя, не падай). *Сердце*, как живое существо, спит и видит сны (*Сердцу снятся Скирды солнца в водах лонных. Край любимый! Сердцу снятся...; Видно, мол, сердца их не разбудишь... Шел господь пытаться людей в любви...*), обладает голосом (*Слушай мое сердце.* Закружилась пряжа снежистого льна...), разговаривает, шепчет (*Только сердце под ветхой одеждой Шепчет мне.* Сторона ль ты моя, сторона!), поет (*Только б слушать песни – сердцем подпевать... Я иду долиной. На затылке кепи...*), пьет опьяняющие и трезвящие напитки (*Пей, сердце! 1 мая; Уж сердце наполнилось иной, Кровь отрезвляющею брагой.* Пускай ты выпита другим...; *Но сердце хмельное любви моей не радо... Сонет*), устает (*Коль сердце нежное твое Устало.* Письмо к сестре). Живому сердцу наносят раны (*Наносить сердцу скорбные раны.* Слезы), оно болеет (*Сердце больное тревожишь.* Вьюга на 26 апреля 1912 г.) и его исцеляют (*Не исцелить сердца вам наболевшего.* Думы).

Как живое существо, *сердце* наделяется перцептивными признаками: у *сердца* есть слух (*Но голос мысли сердцу говорит.* Русь Советская). *Сердце* – орган слуха (*Слушать сердцем овсяный хруст.* Кобыльи корабли), нужный человеку для восприятия родины (*Знать, недаром в сердце мукал Издыхающий телок.* Пантократор). *Сердцу* свойственно осязание (*Потому так и сердцу не жестко.* Ты запой мне ту песню, что прежде...; *Пусть для сердца тягуче колко.* Мир таинственный, мир мой древний...). Народная картина мира несколько отличается по представлению способов восприятия. Так, существует отличный от научной картины мира способ восприятия, именуемый *уловление* (*уловить ухом, уловить глазом*). Этот способ актуален для *сердца* – органа восприятия прошлого у С.А. Есенина (*Он ловит сердцем тень былого.* Поэт).

Как добычу, *сердце* рвут, терзают и поедают чувства-хищники (*Но мне другое чувство Сердце гложет.* Стансы; *Грустно... Душевные муки Сердце терзают и рвут.* Грустно...; *Ну, а ты даже в сердце не вранишь.* Какая ночь! Я не могу), мысли-думы (*Сердце гложет плакучая дума... Туча кружево в роще связала...*), хмель (*Пьяный бред не гложет сердце мне.* Улеглась моя былая рана...).

Продолжением витальных признаков выступают признаки антропоморфные. *Сердце* уподобляется человеку. *Сердце*, как человек, испытывает эмоции и чувства: *сердце* любит (*Только не встретил Он Сердцу любимых.* Песнь о Зб; *“Что же, красив ты, да сердцу не люб”.* Белая свитка и алый кушак...), боится, переживает невзгоды (*Есть у сердца невзгоды и тайный страх.* Пугачев), радуется и успокаивается (*Кто же сердце порадует? Кто его успокоит, мой друг?* Листья падают, листья падают; *И словами и чувствами новыми Успокоила сердце и грудь.* Листья падают, листья падают), волнуется и тревожится

(“*Лишь сердце потревожь*”. Жизнь – обман с чарующей тоскою), тоскует (*И сожмется твое сердце от тоски немой... О дитя, я долго плакал над судьбой твоей...*),

Сердце, как человек, обладает ментальными способностями: оно знает (*Историю, сердцу знакомую... Черный человек; Слышу я знакомый сердцу зов. Мечта*), помнит (*Я хотел, чтоб сердце глуше Вспомнило сад и лето. Дорогая, сядем рядом...; Сердцу приятно с тихой болью Что-нибудь вспомнить из ранних лет. Синий туман. Снеговое раздолье...*), выражает свои мысли (*Что не выразить сердцу словом И не знает назвать человек. Ты прохладой меня не мучай..*). *Сердце* бывает глупым (*Глупое сердце, не бейся! Глупое сердце, не бейся...*), сумасшедшим (*Сумасшедшее сердце поэта. Ты такая ж простая, как все...*), равнодушным (*Проходил я мимо, сердцу все равно. Не криви улыбку, руки теребя...*),

Одним из способов уподобления человеку выступает концептуализация *сердца* соматическими признаками (признаками тела: ср.: *К сердцу вечерняя льнет благодать. Черная, потом пропахшая выть!; Безо шва стянулась в сердце рана. Мечта; Узнать, что сердцем я продюг. Цветы*). Так, у *сердца* есть части тела (*По-смешному я сердцем влип. Ты такая ж простая, как все...*), “лицо” и отдельные его части, например, брови – *сердце* способно хмуриться ([Хлопуша:] *Что жесткостью сердце устало хмуриться?* Пугачев), губы (*Но одна лишь сердцем улыбнется. Голубая да веселая страна...*).

Антропоморфный код объективируется признаками волеизъявления – у *сердца* есть желания ([Барсук:] *Сердце ж спиртнику часто хочет. Страна негодяев*), религиозными признаками – смирение, молитва и вера (*Смирненным сердцем молюсь тебе. Твой глас незримый, как дым в избе; А в сердце Исус. Я странник убогий*), признаками характера: неласковость, упорство, дикость, доброта, беспутность, озлобленность, робость, нежность (*Сердцем я все такой же. Исповедь хулигана; Сердце неласково к шуму. Корова; Если б знала ты сердцем упорным. Заметался пожар голубой...; И сердцем ... степной дикарь!* Пугачев; *И сердцем стал с тех пор добрей. Цветы; Но озлобленное сердце никогда не заблудится. Пугачев; Сердце робкое охватывает стужа. Девичник; Сердце нежное твое... Письмо к сестре*), интерперсональными признаками: родство и ласка, примирение (*Есть везде родные сердцу куры... Тихий ветер. Вечер сине-хмурый; Сердце ласкаете. Звезды; Помирись лишь в сердце со врагом. Золото холодное луны...*).

В русской языковой картине мира концепты объективируются признаками неживой природы. Для *сердца* актуальны предметные признаки, а именно признаки артефактов: зеркала (*Пучились в сердце жабы глаза. Пугачев*), светильника (*Трудно сердцу светильником мес-*

ти *Освещать* корявые чащи. Пугачев), сосуда, в котором находятся мысли и чувства (*Сердце радо в пурге расколоться*. Пугачев; *Я пришел ... с полным сердцем*. Страна негодяев; *Разве мысль эта в сердце поместится*. Пугачев), нити (*Я всегда хотел, чтоб сердце меньше Вилось в чувствах*. Может, поздно, может, слишком рано...), гвоздя (*Непутевым сердцем я прибит к тебе*. Ах, метель такая, просто черт возьми!). Сердцу свойственны признаки имущества: 'товар' и 'залог' (*И сердце свое не продашь*. Анна Снегина; *Невеселого счастья залог — Сумасшедшее сердце поэта*. Ты такая ж простая, как все...).

Сердце может быть представлено признаками стихий — первоэлементов мира: огня, воды (*Кипяток сердечных струй*. Ну, целуй меня, целуй...; *Прояснилась омут в сердце мгlistом*. Я обманывать себя не стану...), земли, камня (*Схороня в своем сердце любовь*. Что прошло — не вернуть; *Ну как тут в сердце гимн не высечь*. 1 мая). В авторской картине мира С.А. Есенина у *сердца* не отмечены признаки воздуха, характерные для языковой картины мира.

С позиций пространственных особенностей для *сердца* актуальны признаки тайника, где находятся сокровенные мысли и свойства характера (*Затаил я в сердце мысли*. Край любимый! Сердцу снятся...), хранилища чувств (*В сердце радость детских снов*. Чую радуницу божью...). *Сердце* наделяется признаками дома, у которого есть окна (*А в сердце светит Русь*. О пашни, пашни, пашни...), углы (*Сердце, большой угол*. Небо сметаной обмазано...), в этом доме живут и отдыхают (*В сердце почивают тишина и мощи*. Задыхился вечер, дремлет кот на брус...), в доме-*сердце* горит свет-жизнь (*Тихо погасли огни благодатные В сердце*. У могилы). Жильцами *сердца* обычно бывают чувства (*Много в сердце теснилось чувств*. Этой грусти теперь не рассыпать...). Само *сердце* представляется через метафору жильца, и его домом является страсть (*В глупой страсти сердце жить не в силе*. Я обманывать себя не стану...).

Сердце — это особый мир, в котором строят дом (*Но в сердце дома не построил*. Теперь любовь моя не та...). В этом мире своя погода: холод, стужа (*И сердце, остыть не готовясь*. Я помню, любимая, помню...; *Сердце остыло*. Вечером синим, вечером лунным...), метель (*Сердце метелит твоя улыбка*. Плачет метель, как цыганская скрипка; *У меня на сердце без тебя метель*. Голубая кофта. Синие глаза), жара, зной (*В сердце тоска и зной*. Грубым дается радость).

Временная парадигма концепта *сердца* состоит из признаков времен года: весны (*Помоги мне сердцем вешиим Долюбить твой жесткий снег*. Серебристая дорога...; *За пробужженный в сердце май?* Сукин сын), единиц времени: дня прошедшего (*На сердце день вчерашний*, О пашни, пашни, пашни...), времени суток: ночи (*И на сердце изморозь*

и мгла... Видно, так заведено навеки...; *Залегла забота в сердце мглистом.* Я обманывать себя не стану...).

Окказиональные признаки *сердца* в произведениях С.А. Есенина немногочисленны: *сердце* отождествляется с яйцом (*Проклевавшись из сердца месяца, Кукарекнув, взлетит петух.* Инония), сумой (*В сердце снов золотых сума.* Пой же, пой), песней (*Ты сердце вытеснил из-бе...* Теперь любовь моя не та...), самородком (*Сердце станет глыбой золотою.* Руки милой – пара лебедей...), свечёй (*Воском жалоб сердце Каина К состраданью не окапишь.* Пугачев).

Как показал анализ способов концептуализации *сердца*, для авторской картины мира С.А. Есенина наиболее актуальными выступают вегетативные признаки поля, витальные признаки сна и опьянения, много- и разнообразные эмоциональные признаки, ментальные признаки памяти и знания, интерперсональные признаки ласки, пространственные признаки, в особенности признаки дома, признаки погоды – холода, мороза, стужи, временные признаки ночи. Особую специфику его видения и ощущения внутреннего мира составляет связь *сердца* с песней.

Литература

1. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. – М., 1995.
2. Кошарная С.А. Миф и язык: опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира. – Белгород, 2002. – 287 с.
3. Фрумкина Р.М. Психоллингвистика. – М.: Academia, 2001. – 320 с.
4. Пименова М.В. *Душа и дух: особенности концептуализации.* – Кемерово: ИПК “Графика”, 2004. – 386 с. (Серия “Концептуальные исследования”. Вып. 3).

А.Б. Савенкова

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ ФОНД КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ЗНАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

Ростовский государственный университет

В принятой 29 декабря 2005 года Правительством РФ Федеральной целевой программе “Русский язык (2006-2010)” в числе отрицательных последствий отсутствия институциональных механизмов её реализации названо ослабление национальной самоидентификации россиян. При этом отмечено снижение мотивации к изучению русского языка как за рубежом, так и в самой России.